

УДК 338.24.021.8:347.235[(470+571)+476](XIX – нач. XX в.)

ВЗГЛЯДЫ С.Ю. ВИТТЕ И П.А. СТОЛЫПИНА НА РОЛЬ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОПРОСА В ЭКОНОМИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ

д-р экон. наук, проф. В.Н. УСОСКИЙ
(Минский государственный лингвистический университет)

Исследуется роль крестьянского вопроса в экономике Российской империи при проведении экономических реформ в 60 – 80-х годах XIX века. Показано ядро программы экономических реформ – проведение индустриализации как основы поддержания политического и военного могущества страны. Рассматриваются проблемы развития сельского хозяйства России и результаты проведения реформы 1861 года. Отмечено их противоречие, в частности антагонистические противоречия между дворянами и крестьянами в сфере земельной собственности, противоречия бюджетно-финансовой системы, трансформируемой в рынок экономики России. Анализируются взгляды российских государственных деятелей С.Ю. Витте и П.А. Столыпина на исследуемый вопрос.

«Россия – государство «мужицкое», ибо вся соль русской земли, вся будущность русской земли, вся история, настоящая и будущая, России связана, если не исключительно, то главным образом, с интересами, бытом и культурой крестьянства» [1, с. 531 – 532].

С.Ю. Витте

Необходимость рыночного реформирования экономики России. Сергей Юльевич Витте и Петр Аркадьевич Столыпин являлись государственниками и русскими националистами. Свои идеи они реализовывали, занимая высокие государственные посты в Российской империи, будучи последовательными сторонниками экономических реформ, концепцию которых они глубоко выстрадали. Их государственная деятельность способствовала углублению социально-экономических преобразований, начало которым было положено Александром II Освободителем, давшему старт крестьянской, банковской, бюджетной, административной, судебной, военной и другим реформам в 60 – 80-х годы XIX века. Александр III продолжил реформы своего отца, так как понимал жизненную необходимость структурной перестройки экономики на рыночных принципах для модернизации России. Витте и Столыпин – это реформаторы второй стадии реформ, они проводили ее в период царствования Александра III и Николая II. Основную цель экономической реформы видели в триединой задаче по трансформации полуфеодальной экономики страны, т.е. проведении ускоренной индустриализации народного хозяйства, создании ее транспортной инфраструктуры, формировании капиталистических рыночных институтов (современной налоговой системы, двухуровневой банковской системы, фондового рынка), повышении эффективности деятельности сельскохозяйственных производителей. Ядром программы экономических реформ стало проведение индустриализации как основы поддержания политического и военного могущества Российской империи. Индустриализация должна была закрепить незыблемость имперского статуса России в ряду великих держав мира. Витте и Столыпин глубоко осознавали глубокие внутренние противоречия между основными сословиями (дворянство и крестьянство), что находило свое проявление в процессе зарождения классов буржуазного общества (буржуазия и пролетариат). Социально-экономическое развитие страны происходило в напряженных условиях, поэтому С.Ю. Витте и П.А. Столыпин считали, что без направления межсословных противоречий в конструктивное русло деструктивное развитие империи неизбежно. Может возникнуть ситуация, когда власти будет уже не до реформ.

В самодержавной России преобразования во многом определялись самодержавной волей императоров. Николай II не обладал силой характера, воли и таланта, которые имели его державные предки – Екатерина II, Павел I, Александр I, Николай I, Александр II и Александр III. К сожалению, решение крестьянского вопроса в России в предреволюционные десятилетия стало определяться теми неуправляемыми событиями, которые стихийно возникли и в конечном итоге катастрофично свершились в российской истории.

Противоречия крестьянской реформы 1861 года. Ввиду аграрного характера экономики ключевой проблемой реформы стала необходимость разрешения вопросов глубоких противоречий, существовавших между крестьянством и дворянством относительно земли, сервитутов, выкупных платежей и несения податного бремени, за счет которого государство выполняло свои функции. В письме к Николаю II в октябре 1898 года С.Ю. Витте писал: «Крымская война открыла глаза наиболее зрячим; они осознали, что Россия не может быть сильна при режиме, покоящемся на рабстве. Ваш великий дед самодержавным мечом разрубил «гордиев узел». Он выкупил душу и тело своего народа у их владельцев» [1, с. 522].

Развитию аграрного капитализма в сельском хозяйстве России С.Ю. Витте и П.А. Столыпин придавали особое значение, так как считали, что персонафикация прав собственности на землю и ее дифференцированное распределение между ответственными частными собственниками в соответствии с уровнем производительности использования факторов производства должна лежать в основе рыночной реформы.

мы. Развитие России в XIX веке, особенно после отмены крепостного права, было отмечено гигантским демографическим взрывом, что объективно требовало высоких темпов роста ВВП. Земельная реформа, считали С.Ю. Витте и П.А. Столыпин, должна происходить через эволюционную модернизацию дворянского и крестьянского хозяйства. Причем уменьшение размеров дворянского землевладения неизбежно.

В период проведения крестьянской реформы Александр II принудительно произвел передачу крестьянским общинам в бессрочное пользование часть частновладельческой земли помещиков на возмездных принципах ее выкупа в коллективную (мирскую) собственность. Крестьяне при этом получали статус временно-обязанных, т.е. несущих натуральные и денежные повинности в пользу помещиков за право пользования помещичьей землей. Реформа стала принудительным средством передачи самодержавным государством в пользу крестьян на правах бессрочного пользования земли. Объективно государство ограничило права частной собственности помещиков на землю. Крестьяне получали статус бессрочных пользователей помещичьей земли, при этом возник вакуум деперсонификации (неопределенности) прав собственности. Консервируя внутреннюю противоречивость нерыночной структуры крестьянского мира (общины), государство исходило из своих фискальных и социально-экономических интересов изъятия податей, поставки рекрутов в армию, поддержания порядка на селе. Образовавшийся земельный фонд был неотчуждаем и существовал обособленно от проводимых на земельном рынке операций по покупке-продаже земли частными собственниками, получившими на это право ее отчуждения.

Цели крестьянской реформы 1861 года были в значительной степени противоречивы. Правительство не осознавало предпочтительности и необходимости превращения крестьян в класс частных земельных собственников, преданных престолу. Только под давлением чрезвычайных обстоятельств и нарастающего недовольства крестьян проведение земельной реформы в деревне стало эволюционировать в русло реализации идеи превращения крестьян в класс частных собственников. Правительство избегало проведения принципа обязательности выкупа у помещиков земли крестьянами, так как эта мера при своем расширительном толковании несла неизбежный отпечаток придания выкупу универсального характера принудительного отчуждения помещичьей земли. Кроме того, в разряженном воздухе крестьянского мира витал многовековой мятежный дух «черного передела» земли. Поэтому принцип обязательности выкупа у помещиков земли крестьянами пробивал себе дорогу только под давлением чрезвычайных обстоятельств, как это, например, произошло в белорусских губерниях России во время польского дворянского восстания 1863 года. Здесь крестьяне были немедленно переведены в разряд собственников земли с прекращением их временно-обязательного состояния по отношению к взбунтовавшимся помещикам. Белорусские крестьяне по сравнению со своими русскими собратьями по сословию получили большие наделы земли. Например, в среднем на ревизскую душу бывшие государственные крестьяне получили от 5,7 десятин земли (Могилевская губерния) до 6,6 десятин земли (Минская губерния), помещичьи крестьяне – от 3,6 десятин земли (Гродненская губерния) до 4,8 десятин земли (Могилевская губерния).

Проведенная Александром II крестьянская реформа привела к экспроприации государством у помещиков части их частной земли, которая была передана не в частную собственность крестьян, а в собственность крестьянских общин, получивших права юридических лиц. Государство передало общине те функции, которые при крепостном праве выполняли помещики. Община стала нести ответственность за регулярность и правильность внесения крестьянских податей в госбюджет, а также выполнение всех иных крестьянских повинностей (гужевой, дорожной, военной и т.д.).

В интересах помещиков была создана система выкупных платежей, т.е. ипотечных премий, которые крестьяне должны были вносить в госбюджет, так как правительство взяло на себя обязательства компенсировать помещикам передачу крестьянам части дворянских земель и соответственно утрату помещиками бесплатного труда крестьян. Государство выплатило помещикам за крестьян деньгами и долговыми ценными бумагами 80 % выкупной цены, при условии получения крестьянами надела высшей категории и 75 %, если им предоставлялся надел меньше высшего. Остальные 20 – 25 % (так называемый дополнительный платеж) крестьяне уплачивали непосредственно помещику – сразу или в рассрочку. Внесенные правительством за крестьян средства последние должны были погашать в течение 49 лет, возвращая в госбюджет свои долги как выкупные платежи в форме капитализированных процентов (6 %), которые считались с ценности земли. Остальные 20 – 25 % выкупной цены, которая называлась дополнительным платежом, крестьяне должны были платить деньгами помещику напрямую или отработать в натуральной трудовой форме (аналог барщины).

После раздела земель у помещиков осталось около 2/3 земли, где большую часть составляли земли для выпаса скота и лесные угодья. Вся оставшаяся земля была поделена между крестьянами, причем ее размеры по площади были приблизительно равны той площади земли, которой пользовались крестьяне до отмены крепостного права. Согласно данному порядку крестьяне получали от общины бывшую землю помещика в пользование. Общинная земля подлежала периодическому переделу между крестьянами-общинниками.

Капитализация из 6 % годовых на ценность участка земли была слишком высокой ценой выкупа крестьян на волю. Эта величина явно не соответствовала уровню доходности крестьянских наделов в течение предполагаемых 49 нормативных лет. Сельское хозяйство – это специфическая отрасль экономики, которая по природе своей отличается непостоянной доходностью. Доход с земли динамично изменяется из года в год.

На доходность земли влияет множество факторов: климат, плодородие земли, погодные условия, место расположения земельных участков относительно рынков сбыта, состояние транспортных путей, конъюнктура рынков труда, капитала, товаров. В своих так называемых «Загробных заметках» (1890 – 1894) в разделе «Меры к улучшению финансовой системы» министр финансов Н.Х. Бунге, занимавший этот пост в период 1882 – 1886 годов, при оценке возможностей установления налогов на землевладельцев убедительно показал неустойчивость доходности сельскохозяйственного производства [2, с. 258 – 259]. Однако когда дело касалось оценки уровня капитализации платежей в 6 % годовых, которые несли крестьяне при выплате ими выкупных платежей, рациональная логика даже самых просвещенных императорских сановников переставала действовать. В этом случае работала сословная логика эгоистического интереса помещиков, которая ущемляла интересы крестьян и деформировала государственные интересы в пользу доминантной реализации интересов дворянского сословия. На проверку государство становилось для крестьян не родной матерью, а мачехой. Из народной монархии допетровских времен государство превратилось в дворянскую монархию.

На уровень доходности земли влияет цикличность рынка. Пореформенный период принес устойчиво депрессивное состояние рынков, когда земледельцы несли значительные потери. В 1873 – 1896 годах все страны мира затронула Великая Депрессия XIX века «... кризис сельского хозяйства 80-х годов был вызван частично наплывом в Европу более дешевого, преимущественно американского, хлеба. Цены на пшеницу, экспортируемую из России, понизились с 90 коп. за пуд в 1871 – 1875 годах до 55,0 коп. в 1891 – 1895 годах. В результате еще больше росли недоимки по налогам, по ипотечному кредиту и т.д.» [3, с. 75 – 76]. Если сравнить динамику доходности земли с альтернативными вложениями денег в разнообразные финансовые инструменты денежного рынка, становится очевидным, что 6 % годовых на капитал при 49-летнем сроке выкупа земли и личной свободы превышали возможности крестьянских хозяйств. С середины XVIII и до середины XIX века правительство регулировало банковские проценты по ссудам и вкладам. В 1754 году правительство ввело верхний процентный потолок (указный процент). Для казенных банков по ссудам он составлял 6 %, банковский процент по вкладам – 4 – 5 %. Согласно манифесту «О вкладах и ссудах в банковских установлениях» от 1830 года ссуды выдавались на 37 лет (с уплатой ежегодно 5 % плюс 1 % погашения и 1,5 % единовременного взноса) [4, с. 170]. Государственный банк России устанавливал учетный процент для векселей на 3, 6, 9 и 12 месяцев. В течение 1893 – 1914 годов в зависимости от стадии экономического цикла учетный процент для векселей на 12 месяцев колебался в диапазоне от 5 ¼ % до 10 % [5, с. 260]. Уровень ссудного процента кредитов банков был на 20 – 40 % выше учетного процента Государственного банка.

Завышенная выкупная нагрузка легла тяжким бременем на крестьянские хозяйства. Несмотря на жесткость механизмов сбора выкупных платежей, которые велись через общины, недоимки по ним росли. По этой причине «в 1881 году правительство уменьшило на четверть сумму, причитающуюся ему по условиям Положения от 19 февраля, но этой меры оказалось не достаточно. В 1907 году, склоняясь перед неизбежным, оно вообще отменило выкупные платежи и аннулировало недоимки. Но нанесенного ущерба было уже не поправить» [6, с. 219]. Крестьянам был нанесен непоправимый ущерб. Всего же «из бывших помещичьих крестьян царское правительство “выколотило” с 1862 по 1906 год свыше 1,6 млрд. руб. и “потеряло” в результате первой русской революции 500 млн. руб.», которые крестьяне должны были выплатить в период с 1907 по 1956 год [7, с. 24 – 25]. Ввиду того, что крестьяне в массе своей были небогаты, поэтому перенос на них основных тягот возврата помещичьих долгов перед банками был экономически не эффективной и социально несправедливой мерой. Вместе с бременем прямых и косвенных налогов при растущем аграрном перенаселении многие крестьянские хозяйства приходили в упадок. Производительные силы крестьянской страны истощались, рост доходов ограничивался.

Антагонистические противоречия между дворянами и крестьянами в сфере земельной собственности. В докладах императору Николаю II С.Ю. Витте отмечал факты произвола представителей государственной власти и общинных властей, что вело к воспроизводству забитости и униженности крестьян, не включенных в единую систему гражданского права. «Наш народ с православной душой невежественен и темен. А темный народ не может совершенствоваться» [1, с. 526]. Видя ограниченность реформы 1861 года, в письме к императору Николаю II С.Ю. Витте писал: «Император Александр II выкупил душу и тело крестьян, он сделал их свободными от помещичьей власти, но не сделал их свободными сынами отечества, не устроил их быта на началах прочной закономерности» [1, с. 523]. Углубление крестьянской реформы и формирование частной собственности крестьян за землю являлись для С.Ю. Витте условием воспитания в крестьянах гражданских прав.

Как зарево прошлых пожаров крестьянских восстаний в российской атмосфере мерцала угроза новой Пугачевщины. Ясно осознавая сущность крестьянской ментальности, эсер В.М. Чернов писал: «Мужика как магнитом тянула земля помещичья, которую, по воспоминаниям его отца и деда, отобрали у крестьян и передали помещику после отмены крепостного права. Крестьяне чувствовали эту несправедливость почти физически. “Мы ваши, а земля наша”, – говорили они дворянам. Деревня отказывалась отделять право на землю от права на крестьянский труд; это неразрывное единство существовало при крепостном праве и могло быть похоронено вместе с крестьянством» [8, с. 415].

Революционные демократы отражали мировидение крепостных крестьян. Они отрицали сложившийся тип отношений феодальной частной собственности помещиков на землю и крестьян и считали приемлемым решением аграрной проблемы только силовым способом. По их мнению, только справедли-

вый, без всякого выкупа, уравнильный передел земли, поделенной по количеству едоков, может решить аграрный вопрос. Революционеры не задавались вопросом о причинах низкой эффективности использования факторов производства в сельском хозяйстве России. Проблемы в такой трактовке для них просто не существовало. На вопросы: «Почему крестьянин беднеет? Что нужно сделать для того, чтобы крестьянин был сыт и зажиточен?» – они давали простой ответ: «Необходимо отобрать землю у помещиков и кулаков-мироедов и поделить ее поровну». В своей сущности система мышления революционных демократов была внеэкономической, поэтому, игнорируя проблему экономической эффективности использования ограниченных факторов производства, они ставили вопрос в плоскости «чистой» социальной справедливости. Именно этот радикальный подход, даже не подразумевавший наличие экономической составляющей аграрной проблемы, лег в основу народнической, а затем эсеровской программ и был демагогически реализован большевиками в 1917 – 1920 годах.

История доказала, что «справедливый» передел земли по едокам между крестьянами не решает проблем эффективного использования ограниченных ресурсов. Великая Французская буржуазная революция, отдав крестьянам землю дворян и церкви, создала и законсервировала их мелкую (парцеллярную) земельную собственность. «Франция не превратилась в страну землевладельцев и сельскохозяйственных рабочих, или страну капиталистических фермеров, но стала страной большей частью разных типов аграрных собственников, явившихся главной опорой всех последующих режимов, которые не осмеливались забрать у них землю. И число владельцев крестьянской земли увеличилось более чем на 50 %, с 4 до 6,5 млн.» [9, с. 214 – 215]. Это сдерживало во Франции промышленный переворот из-за низкой товарности крестьянских хозяйств, которые не могли удовлетворить спрос городского хозяйства и промышленности на хлеб и рабочие руки. По сравнению с английской системой промышленности, крупного землевладения лендлордов и фермеров-арендаторов, которые более эффективно использовали ресурсы, конкурентные возможности французского сельскохозяйственного и промышленного производства были невысоки. Эрик Хобсбаум писал: «Классическое британское решение создало страну, где 4 тыс. собственников владели 4/7 всей обрабатываемой земли – я привожу цифры 1851 года, – четверть миллиона фермеров (3/4 площади земли находилось в хозяйствах от 50 до 500 акров), которые использовали труд около одного с четвертью миллиона наемных рабочих и слуг» [9, с. 209].

Большевики со времен выделения их фракции из РСДРП в 1903 году твердо считали, что только крупное сельскохозяйственное производство, организованное государством, в собственности которого находятся земля и все другие факторы производства, сможет их эффективно использовать. ВКП(б) действовала в соответствии с этими стратегическими установками, когда нэп, названный В.И. Лениным «крестьянским Брестом», был ликвидирован И.В. Сталиным в период проведения сплошной коллективизации в СССР (1928 – 1933). Большевики ясно отдавали себе отчет о бесперспективности опоры государства на развитие секторов мелких и средних крестьянских хозяйств. Сущность выбора, сделанного ВКП(б) в конце 20-х годов, будет изложена нами ниже.

Суть рыночной реформы, проводимой правительством императорской России, была диаметрально противоположна сущности построения ВКП(б) планового натурального хозяйства и искоренения рыночной экономики НЭПа, проведения массовой коллективизации в целях индустриализации СССР. При сравнительном анализе эффективности проведения социально-экономической политики царского и советского правительств, направленной на решение ключевых экономических проблем страны, необходимо принимать во внимание, какие задачи и в какой геополитической обстановке должны были решаться государством. Сравнительный анализ сущности рыночно ориентированной и нерыночной стратегий развития диаметрально противоположных экономических систем позволит нам глубже понять цели воспроизводства основных субъектов общества и стратегические перспективы развития рыночной и плановой натуральной экономик.

Однако вернемся к проблеме о путях решения аграрного вопроса. Большая часть экономистов-либералов и консерваторов имели иные, нежели революционные демократы, исходные установки мышления. Это давало им возможность ставить аграрный вопрос в экономической плоскости и искать причины низкой эффективности сельского хозяйства, находясь в поиске конструктивного решения аграрной проблемы. Либералы и консерваторы пытались определить механизмы роста эффективности сельскохозяйственного производства, однако они часто не находили баланса с принципами социальной справедливости крестьян.

Екатерина II в «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», подписанной в 1785 году, юридически закрепила за дворянами землю в частную феодальную собственность, ставшую для них полной и безусловной. До этого дворяне обладали правами условного владения и при не выполнении возложенных на них функций «чинов» служилого сословия в иерархии государственной службы могли быть лишены своих прав, собственности и свободы. Обычной практикой до 1785 года было то, что русские цари отбирали в казну поместья у нерадивых дворян, лишая их дворянского звания, передавая землю и крепостных дворянам, проявлявшим рвение в государственной службе. Например, «с 1700 по 1750 год гораздо больше поместий было конфисковано, чем роздано: из 171 тысяч крестьянских “душ”, которые достались дворянам в эти полвека, лишь 23,7 тысяч попали к ним из царских владений; остальные были приписаны к помещичьим землям, изъятым и переданным новым владельцам. Такого рода реквизиции были столь обычным делом, что в 1729 году в Санкт-Петербурге была даже учреждена Канцелярия по конфискациям» [10, с. 244 – 245].

Помещики исходили из юридического факта обладания всей землей на правах феодальной частной собственности, на определенной части которой крестьяне, неся повинности в пользу помещика, пользовались наделами для ведения своего хозяйства. Формально юридически крестьяне не имели прав собственности на надельную землю, так как они обрабатывали ее лишь до тех пор, пока работали на помещика на барщине или платили оброк. Крестьяне, передавая в семье надельную землю от отца к сыну, были пожизненно наследуемыми пользователями частной дворянской земли. Революционные демократы смотрели на аграрный вопрос с точки зрения процесса фактического обладания землей, считая, что по праву справедливости, а не по формально юридическим или экономическим основаниям земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает. Крестьяне не обладали способностью к абстрактному мышлению, их мировоззрение отличалось конкретным характером мышления, поэтому они имели специфическое представление о правах частной собственности на землю. Крестьяне считали, что, несмотря на то, что они принадлежат помещику, вся земля (пахотная, земля для выпаса скота и лес) является крестьянской, так как они на ней трудятся веками.

Крестьяне считали Царя наместником Божиим на земле, который имеет право повелевать ими и должен заботиться о них. В данной системе мировоззренческих координат дворянам отводилась роль простых управляющих крестьянами по указанию царя. Это представление, кстати, фактически подтверждалось реформами Петра I, который, введя для дворян пожизненную службу на государство, сделал помещиков агентами государства по сбору подушной подати и набору рекрутов в армию. «С точки зрения крестьян, грамота (“Жалованная грамота дворянству” от 1785 года – В. У.) лишала крепостное право всяких оснований, поскольку их предков для того и обращали в крепостную неволю, чтобы дать знатным людям возможность выполнять свой долг перед царем. Действительно, “крестьяне понимали тягло не как ренту верховному собственнику земли, а как выпавший на их долю способ служения государству”». Почему же они должны по-прежнему служить, если с их хозяев эта обязанность снята?» [10, с. 258]. Когда же 18 февраля 1762 года Петр III издал манифест о дворянских вольностях, российские села наполнились слухами о том, что дворяне бросили императора в темницу за то, что тот подписал указ о передаче земли крестьянам, тем самым утаив от народа царский указ. С 1762 года крестьяне жили в ожидании великого «черного передела» и свято верили в то, что царь даст им землю, которую они обрабатывали.

Крестьяне интуитивно думали в рамках взглядов народной (допетровской) монархии XV – XVII веков, а не дворянской монархии XVIII – XIX веков. Именно православный люд всех сословий (духовенство, дворянство, посадские, купцы, крестьяне, казаки) на Земском соборе во время Смутного времени избрали Романовых в 1613 году на престол православного Московского царства.

Отмена крепостного права в 1861 году превратила наивную веру крестьян в их твердое убеждение. В душе русского крестьянина странным образом для мышления современного человека XXI века и дореволюционного российского либерала совмещались две установки, которые, казалось бы, были не совместимы в рациональном сознании светского человека. С одной стороны, крестьяне являлись политическими консерваторами, так как были убежденными монархистами, а с другой – им был внутренне присущ социально-экономический революционный радикализм, ибо крестьяне лелеяли вековую мечту о захвате частных земель помещиков и кулаков-миродов для передачи их крестьянскому миру (общинам).

Крестьяне были убеждены в том, что вся земля «божья», т.е. в их представлении общая, поэтому земля должна была быть разделена по божьей справедливости, т.е. по количеству едоков в крестьянских семьях. Они считали, что земля не должна находиться в частной собственности, а должна принадлежать крестьянскому миру (общине). Обрабатывая землю столетиями, крестьяне считали себя ее реальными владельцами и были убеждены в том, что всем миром они уже владеют землей на правах божьей правды и человеческой справедливости и это состояние нуждается в закреплении. Крестьяне искали простую человеческую правду и считали необходимым разрешение аграрного вопроса в свою пользу, относясь с предубеждением к либералам и буржуазным демократам, так как те были сторонниками частной собственности на землю. Крестьяне подозревали их в нежелании «черного» передела земли. По этой причине им была внутренне близка сначала народническая, а затем эсеровская и большевистская пропаганда о переделе движимых и недвижимых имуществ в интересах крестьян и рабочих. Лев Толстой, глубоко понимая это, писал в своей записной книжке в 1865 году: «Русская революция ... не будет против царя и деспотизма, а против поземельной собственности» [6, с. 205]. Крестьяне были убеждены в необходимости «твердой руки», которая дала бы им воделенную землю и волю от угнетения помещиков. Поэтому появление в условиях стремительного распада российской государственности в 1917 году инородческих и русских нигилистов-большевиков с их ясными и четкими лозунгами о решении земельного вопроса мгновенно оттолкнуло крестьян от природных русских бар. Нежелание помещиков поступаться своими классовыми интересами и относившихся к крестьянам с насмешкой и презрением, а где и с ненавистью, имела катастрофические последствия для имущего землевладельческого класса России.

«Верхи» императорской России понимали сущность мировоззрения крестьянской массы о земле, поэтому в целях практического формирования у крестьян зачатков частнособственнических представлений царское правительство создало в 1882 году Крестьянский банк. Министр финансов России Н.Х. Бунге писал по этому поводу: «Учреждение Крестьянского банка имело в виду, главным образом, две цели: во-первых, практическое противодействие убеждению крестьян, что они имеют право на наделы, и поселить в них убеждение, что всякое расширение их землевладения может быть только результатом свобод-

ной сделки с землевладельцами о покупке земли; во-вторых, способствовать распространению частной поземельной собственности между крестьянами» [2, с. 252].

Консервативные и либеральные экономисты предлагали решать аграрную проблему эволюционным путем посредством реформ. В противоположность им революционные демократы считали, что земельный вопрос можно разрешить по справедливости только революционным способом. Два противоположных лагеря антагонистически противостояли друг другу, и примирение между ними было невозможно. Ярким критерием накала страстей было то, что законы и право, защищавшие юридические права помещиков, были диаметрально противоположны нравственной оценке крестьян, отрицавших законы Российской империи и сложившееся поземельное состояние. Потенциально в обществе тлел неугасаемый гражданский конфликт, который как гордиев узел не развязывается руками, а разрушается только с помощью меча. Пока государство было сильно и демонстрировало силу, частная собственность помещиков на землю была незыблема. Однако стоило властям продемонстрировать внутреннюю слабость, и крестьяне предприняли две попытки самочинного и радикального «черного передела» земли. Однако если в 1905 – 1907 годах стихийный крестьянский штурм не удался, то в 1917 году повторная атака была успешна. В результате стихии антикапиталистической революции крестьян против города и его законов канул в небытие уникальный мир православной Российской империи.

Как считал С.Ю. Витте, перед государством стоит сложнейшая задача воспитания и образования крестьян, превращение их в граждан-патриотов. Это, безусловно, требовало трансформации «обычного» права (права, основанного на обычае) в гражданское право, т.е. превращения бывшего сословия крепостных крестьян в класс граждан с развитым чувством собственного достоинства, наделенных частной земельной собственностью, впитавших с ее жизненными соками права и обязанности гражданина. Витте понимал, что в российском обществе необходимо было восстановить нарушенный баланс между правами и обязанностями крестьян и дворян, многие из которых просто вырождались, превращаясь в паразитарный слой общества. Он писал: «... большинство же дворян в смысле государственном представляет собой кучку дегенератов, которые, кроме своих личных интересов и удовлетворения своих похотей, ничего не признают, а потому и направляют все свои усилия относительно получения тех или других милостей за счет народных денег, взysкиваемых с обедневшего русского народа для государственного блага, а не для личных интересов этих дворян-дегенератов» [1, с. 519 – 520]. Витте добавляет: «Дворяне эти всегда смотрели на крестьян как на нечто такое, что составляет среднее между человеком и волом» [1, с. 521].

Сословное дворянское государство стояло перед необходимостью совершения сальто-мортале, так как необходимость создания класса крестьян-частных собственников являлось необходимостью времени. Однако сделать это в тот короткий период времени, который история выделила Российской империи в рамках сложившегося негативного для крестьян баланса социальных сил в обществе, было крайне трудно.

По мнению С.Ю. Витте, неустройство крестьянского быта выражалось в низкой производительности крестьянского труда, слабой агрикультуре, значительных выкупных платежах и высоком податном бремени. Крестьянскую реформу в России, считал Витте, необходимо было продолжать, идя по пути ликвидации общинного землевладения и передачи земли в частную собственность крестьян. Мирская (коллективная) форма собственности крестьян объективно сохраняла деперсонификацию земельных отношений и сервитутов, что было связано с круговой порукой крестьян перед консолидированной властью чиновничьего государства и дворян. В экономике России сложилась ситуация, в рамках которой до тех пор, пока формирующаяся коллективная собственность крестьянского мира не была оплачена им через выкупные платежи, земля фактически оставалась в государственной собственности и находилась, условно говоря, на ответственном хранении крестьянской общины. По этой причине вопрос, находится ли земля в подворном или общинном пользовании крестьян, не имел существенного значения. Причина заключалась в том, что условный характер земельной собственности не позволял превращать не до конца выкупленную коллективную землю, а фактически государственную землю в частную собственность крестьян и отчуждать ее через рыночный оборот.

На пути трансформации коллективной собственности крестьян в их частную собственность, стояли большие размеры капитализированных выкупных платежей, высокое податное бремя, экстенсивный способ хозяйствования крестьян, низкий технический уровень их хозяйств, недостаток у крестьян сбережений и накоплений, слабость сельскохозяйственного кредита и производственно-сбытовой кооперации крестьян.

Противоречия бюджетно-финансовой системы, трансформируемой в рынок экономики России. Дворянство продолжало доминировать в политической системе сословной монархии, что ограничивало конструктивное воздействие государства на экономику России. В пореформенное время жесткий контроль сословных привилегий дворянством имел следствием исключение обложения дворян прямыми налогами. Это вело к тому, что крестьяне как беднейшее сословие было вынуждено нести податное бремя, в то время как значительно более богатое дворянское сословие вообще не платило никаких прямых податей. При крепостном праве дворянство было освобождено от уплаты податей в государственный бюджет, так как оно несло обязательную службу государству и платило ему «налог кровью». Однако с 1785 года государство, одарив дворян привилегией не служить, радикально нарушило баланс прав и обязанностей в феодальном обществе. Это создало условия для формирования в дворянской среде паразитарных привычек.

Только в 1887 году для большей части крестьян подушная подать была заменена поземельным налогом, который платился с десятины земли с учетом ее доходности. Этот же принцип регулировал

поземельное налогообложение помещиков, однако налоговые ставки на доходы помещичьих хозяйств были в несколько раз меньше, чем на крестьянские хозяйства. Осуществляя свое абсолютное социально-экономическое доминирование в сословной структуре общества, дворянство препятствовало проведению реформы бюджетно-финансовой системы, так как ее гражданский экономический смысл был связан с введением принципа универсальности ставок налогов, налагаемых на доходы всех граждан вне зависимости от их сословной принадлежности. Виды налогов зависели только от рода хозяйственной деятельности граждан и фирм, и объекта налогообложения. Реформа бюджетно-финансовой системы в России была направлена на ликвидацию феодального принципа необремененности неподатных сословий дворян прямыми налогами в госбюджет или льготном порядке их взимания. Бюджет буржуазного государства строится на принципе рационального распределения прямых налогов, которые платят все платежеспособные категории граждан, являющихся налогоплательщиками. Провести этот принцип в жизнь, когда из своего дохода богатые платят больше пропорционально своему доходу, а бедные платят меньше, было чрезвычайно трудно из-за ожесточенного сопротивления дворянства. Только в последней четверти XIX века наметились сдвиги в этом направлении. В 1875 году был введен поземельный налог, который был распространен и на крестьян; в 1882 году введен налог на имущество, переходящее безвозмездно (наследство и дарение); в 1885 году – налог с торговых и промышленных предприятий и налог (5 %) на денежные капиталы. «Из всей массы прямых налогов, включая не проходившие тогда по доходной части бюджета выкупные платежи, падало в 1866 году на крестьян 89 %, а к 1881 году с удвоением прямых налогов 80 %. Введенное к тому времени прямое обложение помещиков составляло всего 4 %; буржуазия с городских недвижимостей платила 3 %, остальные 13 % прямых налогов составлял перелагаемый промысловый налог» [7, с. 34 – 35].

Реализация дворянской реформы земельных отношений 1861 года и ее последствия для крестьян. Ключевая проблема отношений земельной собственности в России во время проведения крестьянской реформы 1861 года состояла в следующем. С одной стороны, передать крестьянам землю безвозмездно было нельзя, так как этот шаг означал бы прямое нарушение прав частной собственности дворян на землю. Этот вариант действий исключался сложившейся системой общественных отношений, принципами права и законодательства, которые устанавливало и поддерживало государство. С другой – даже при безвозмездной передаче дворянами земли крестьянам проблема оплаты долгов новыми собственниками-крестьянами не снималась. И если бы по формальным признакам земля передавалась бы крестьянам «бесплатно», земля дворян была все равно обременена ссудной задолженностью банкам. Даже если бы реально в 60-е годы XIX века существовала рыночная альтернатива, когда крестьяне могли выкупить землю у помещиков, то обе стороны рыночной сделки должны были бы найти приемлемый уровень цены ее выкупа. Цена на землю должна была быть снижена по причине высоких долгов дворян перед банками, которые их кредитовали. Однако уровень продажных цен на землю определяется не только рынком, но и сложившимся социально-политическим балансом сил в обществе. В отличие от принятого реформой 1861 года порядка выкупа земли, альтернативный вариант поиска уровня оптимальных рыночных цен на землю (если бы он тогда мог существовать) должен был быть осуществлен на рыночной основе путем дисконтирования цены земельных участков с учетом кредитных долгов дворян банкам. Уровень дисконта (сброс с цены номинала) на ценность земли был бы тем выше, чем более велика была бы для помещиков сумма основного долга и «набежавших» банковских процентов по ним. Кроме того, чем жестче были бы требования банков по взысканию долгов с неэффективных помещиков, тем ниже должны были бы упасть цены на землю. Ввиду того, что долги дворян банкам были громадны, то в рыночных условиях уровень цен на землю должен был иметь тенденцию к понижению, а условия ее покупки богатыми русскими крестьянами и буржуазией были бы благоприятнее для них. Однако подобный сценарий развития событий не устраивал помещиков-аутсайдеров.

К 1861 году долги дворян перед государственными казенными банками значительно выросли – «опубликованная к этому времени цифра задолженности дворян составляла 425 млн. руб. (в закладе было 7,1 млн. душ)» [4, с. 264]. «Всего же по предшествующей ревизии было 10,9 млн. мужских душ помещичьих крестьян» [11; 9, с. 485]. Таким образом, бесхозяйственность помещиков привела к тому, что активы дворян (в первую очередь земля) были обременены долгами, которые ввиду глубокого финансового кризиса государства после Крымской войны нельзя было погасить за счет государственных средств, так как государство само было неплатежеспособно. По этой причине, исходя из сложившегося социально-политического соотношения сил, государство нашло тех субъектов, на кого можно было бы «перевалить» большую часть кредитных долгов помещиков перед казенными банками. Естественно, самыми социально незащищенными оказались крестьяне, на которых правительство и взвалило большую часть долгов помещиков. «Поскольку большинство крепостных крестьян было заложено в кредитных учреждениях, естественно, что любой вариант ликвидации крепостного права неизбежно включал проблему дворянской задолженности» [4, с. 258].

Государство избрало выкупную операцию, которая позволила с помощью долгосрочной кредитной задолженности крестьян, проводимой в течение 49 лет, внеэкономическими мерами уберечь дворян от ударов рынка. Напоследок помещики были награждены государством 6-процентной фиксированной капитализацией своего рентного дохода. Это позволило удерживать уровень цен на землю от понижения на довольно высоком уровне, и за счет роста ВВП экономики России стимулировать рост цен на землю в долгосрочной перспективе. Эти выгоды присваивали помещики за счет крестьян.

Как показал опыт выкупа крестьян на свободу, российское общество больше потеряло от выкупной операции, чем приобрело. Цена выкупа крестьян за свободу за счет выкупа земли была слишком велика, а деньги, которые крестьяне платили за свое освобождение, были чаще всего неэффективно потрачены сословной группой дворян-аутсайдеров. Эта часть дворянского сословия показала себя в большей степени потребительским, чем производительным сословием. Дворяне-аутсайдеры сдавали землю в аренду крестьянам, продавали пашенную землю, стараясь оставить за собой арендуемые крестьянами леса и землю для выпаса скота, поэтому «в 1916 году хозяйства “крестьянского типа” владели в пределах Европейской России 89,3 % пахотной земли и приблизительно 94 % скота. Это означает, что накануне революции Россия была страной, в которой преобладали мелкие сельские хозяйства» [6, с. 223].

Выгоды, полученные дворянской аристократией от концентрации земельной собственности в ее руках. По своему социально-экономическому статусу и имущественному положению дворянство в российском обществе было крайне неоднородным сословием. Внеэкономические принципы пожалования царем земли и крепостных крестьян дворянству четко разделило его на богатых лидеров и бедных аутсайдеров, между которыми была огромная стена. Новые рыночные условия хозяйствования существенно повлияли на имущественное положение помещиков и крестьян. Как отмечал В.И. Ленин, крестьянство в результате реформы 1861 года «раскрестьянилось». Объективные тенденции становления капитализма также вели дворянство к значительной имущественной дифференциации, что усугубилось реформой 1861 года. Худородное мелкое дворянство интенсивно «раздворянивалось», пополняя ряды военных, чиновников и интеллигенции. Эффективность хозяйствования помещиков-аутсайдеров была низкой. Полученный ими «подарок» в форме рентного дохода в 6 % годовых, который стал чистым вычетом из дохода крестьян, не спас их от разорения. Дворяне-аутсайдеры не смогли закрепиться на земле. Они продавали землю и имущество или сдавали их в аренду, уходя с аграрного рынка.

Олигархическая структура земельной собственности и феодальная практика фаворитизма давала широкие возможности крупнейшим землевладельцам пользоваться субсидиарной поддержкой в форме «неуставных ссуд» Государственного банка. Это ограничивало воздействие рыночной конкуренции на результаты хозяйствования крупнейших землевладельцев, ставя их в привилегированное положение по сравнению с другими субъектами рынка. Исследования, проведенные Л.П. Минарик и А.М. Анфимовым, свидетельствуют о том, что «в 1905 году у полтораста крупнейших латифундистов было сосредоточено до 30 % всего дворянского землевладения, которое в целом за 45 пореформенных лет уменьшилось на 34 %. Эта огромная концентрация земельной собственности почти целиком образовалась еще в конце XVIII – первой половине XIX века, причем в значительной мере (до двух пятых) посредством покупок имений других помещиков предками латифундистов. Эти крупнейшие должники “казенных” банков должны были израсходовать на приобретение населенных имений по ценам, сложившимся во второй четверти XIX века, сумму, достигавшую накануне реформы 1861 года половину задолженности банкам» [11, с. 493]. Дворянская аристократия за 45 лет понесла значительные потери (около трети земельных угодий), однако оставшиеся крупные землевладельцы составили ведущую группу помещиков-лидеров, которые вели свое хозяйство рационально и эффективно. Большая часть дворянской аристократии, используя свои рыночные и нерыночные преимущества, эффективно интегрировалась в капитализм, трансформировав свои крепостнические хозяйства в высокотоварные капиталистические структуры. Основой товарного сельскохозяйственного производства пореформенной России стали помещичьи и «крепкие» крестьянские (кулацкие) хозяйства, продававшие большую часть продукции на рынок.

Выкупная операция позволила помещикам освободиться от своих долгов казенным банкам. Им удалось зачесть 316 млн. руб. из их совокупной задолженности, составлявшей 425 млн. руб., к тому же они получили государственными ценными бумагами и частично деньгами до 586 млн. руб. (902 млн. руб. – 316 млн. руб.). Очистив свои имения от старых долгов, помещики стали получать новые кредиты под залог своих частных имений. До 1881 года они получили в новых банках 476 млн. руб. [7, с. 25]. Кроме того, несколько десятилетий после реформы 1861 года они не несли бремени прямого налогообложения.

Проблемы развития сельского хозяйства России и результаты проведения реформы 1861 года. Рыночная реформа стимулировала развитие сельского хозяйства страны, валовые показатели которого динамично росли. «Средний годовой сбор зерновых хлебов в Российской империи за 1864 – 1866 годы составлял около 1900 млн. пудов, а за пятилетие 1909 – 1913 годов – 4870 млн. пудов, т.е. увеличилось больше чем в 2,7 раза» [12, с. 219]. Урожайность зерновых росла. «В пореформенное время урожайность зерновых несколько повысилась. Средний урожай зерновых во второй половине века был “сам”-4 с небольшим (в первой половине века – “сам”-3,5); в 90-х годах, после неурожайного 1891 года, урожайность в течение шести лет превышала “сам”-5 ... Если проследить за изменением средней урожайности (в “саамах”), взяв периоды по восемь лет, то она была такой: в 1863 – 1870 годах – 3,74; в 1879 – 1886 – 4,03; в 1887 – 1894 – 4,49; в 1895 – 1902 – 4,90. Повышение урожайности объясняется перемещением сельского хозяйства из нечерноземной зоны на юг, в степь, где урожаи были выше, а кроме того улучшением техники, введением новых севооборотов и т.д.» [3, с. 67]. Результаты реформ проявлялись в росте цен на землю сельскохозяйственного и несельскохозяйственного назначения. Рост цен на пахотную землю свидетельствовал о росте продуктивности производства в сельском хозяйстве. Рост цен на землю под строительство в городах определял рост эффективности промышленного производства и торговли.

Более рационально и эффективно велось производство на помещичьих, а не крестьянских землях, о чем говорит динамика урожайности зерновых. «На крестьянских землях урожайность в 1861–1870 годах по 50 губерниям составила в среднем за год 29 пудов; 1871–1880 – 31; 1881–1890 – 34; 1891–1900 – 39 пудов. На помещичьих землях в 1861–1870 годах урожайность в среднем за год составляла 33 пуда; 1871–1880 – 37; 1881–1890 – 42; 1891–1900 – 47 пудов» [3, с. 66]. Те же тенденции наблюдались в животноводстве, например, при сравнении удоев на корову в год. «Удой в помещичьих хозяйствах в расчете на корову в год составляли около 875 л, а в среднем по стране – значительно меньше (330 л)» [3, с. 74].

Несмотря на уравнительность общинных отношений в деревне реформа 1861 года усилила дифференциацию крестьян по имуществу и доходам. «Около половины наделной земли находилось в руках 2,1 млн. дворов наиболее зажиточных групп крестьянства, имевших по 15 десятин и более. Хотя главная часть наделной земли в этот период времени использовалась по принципу общинного землепользования (из 136,9 млн. десятин на общинное землепользование приходилось 114,1 млн.), община далеко не гарантировала уравнительность в землепользовании. Расслоение крестьянства происходило и внутри общины. В 1893 году процент безземельных дворов равнялся 7; процент же безлошадных крестьянских дворов по 50 губерниям Европейской России в 1899 – 1901 годах составлял 29,3. Скот распределялся между крестьянскими хозяйствами еще более неравномерно, чем наделная земля» [3, с. 206].

Следствием развития рынка, роста населения и высоких налогов крестьян стало аграрное перенаселение, «в 1900 году в 50 губерниях Европейской России насчитывалось около 23 млн. “избыточных” жителей деревни» [3, с. 55]. Демографический взрыв способствовал росту крестьянских семей, что вело к естественному дроблению (парцеляризации) крестьянских хозяйств. «Землевладение у крестьян все уменьшалось: на одну душу мужского пола в 1860 году приходилось 4,83 десятины, в 1880 – 3,55 и в 1900 – 2,59 десятины (не считая 0,46 десятины купчей)» [3, с. 76]. Эта тенденция ухудшала условия жизнедеятельности мелких и средних крестьянских хозяйств. Эффективность труда в крестьянских парцеллах была низкой, применение капитала и рационализация производства были ограничены. Не срабатывал эффект роста продуктивности хозяйства на масштабе производства. Преобладала потребительская ориентация крестьянских хозяйств, которые изо всех сил держались за землю на грани физического выживания. В зависимости от плодородия и месторасположения земли для поддержания прожиточного минимума крестьянам требовались наделы 7 – 8 десятин на душу. Рост аграрного перенаселения, высокие налоги и низкий уровень производительности факторов производства ограничивали рост доходов крестьян.

«Подсчитано, что в 1900 году крестьянин покрывал за счет хлебопашества лишь от четверти до половины своих потребностей; остальное ему нужно было зарабатывать каким-то иным способом. Самым простым выходом было пойти в батраки, либо взять землю в аренду и работать исполу или расплачиваться за нее отработками. В последнем случае он возвращался в полукрепостное состояние. В 1905 году крестьяне Европейской части России владели (главным образом общинно) 160 миллионами десятин и брали в аренду еще 20 – 25 миллионов, оставляя в частных некрестьянских руках лишь 40–50 миллионов десятин пашни (в дополнение к этому государство и корона владели 153 миллионами десятин, однако почти вся эта земля была покрыта лесами и не годилась для вспашки; пашня в основном находилась в аренде у крестьян). Но земли им все равно не хватало» [6, с. 221]. Низкая культура агрономии, истощение почв, недостаток сбережений для покупки техники, удобрений, урожайных сортов семян, консервативные навыки крестьян к экстенсивному расширению незанятых площадей земли были причинами низкой эффективности использования земли. При низком уровне производительности сельскохозяйственного труда и высоких темпах роста населения у крестьян складывалось обманчивое представление о том, что все их проблемы заключаются в недостатке пахотной земли. Так вызревала великая иллюзия, которая однажды подвигла российское крестьянство на неотвратимые по своим катастрофическим последствиям перемены.

В результате проведенной крестьянскими руками антикапиталистической революции в октябре 1917 года они ровным счетом ничего для себя не приобрели, а во время осуществления сплошной коллективизации все потеряли безвозвратно. Аграрная проблема не разрешается конфискацией земли у помещиков и государства и «справедливым» ее переделом по едокам. Это стало очевидным, к сожалению, только пост-фактум, когда в процессе коллективизации 30-х годов коммунистическое государство переломало хребет зажиточному и среднему крестьянству, лишив его навсегда остатка прежних иллюзий.

Передача частных дворянских земель крестьянам не решала проблем неустойчивости крестьянских хозяйств и не обеспечивала автоматического роста их доходов. «Черный передел» помещичьей земли не мог повысить эффективность крестьянского земледелия, ни тем более трансформировать крестьянские хозяйства в интенсивную форму землепользования, сделав их высокотоварными структурами рынка. Бывший министр сельского хозяйства России А.С. Ермолов доказал, что «даже если бы распределить всю частную пахотную землю среди крестьян, “прирезка”, которая, согласно расчетам Ермолова, составила бы 0,8 гектара, не внесла бы значительных изменений. Кроме того, даже если и были бы найдены необходимые земельные ресурсы, их распределение привело бы к обратным результатам, потому что способствовало бы сохранению несовременных и малоэффективных приемов земледелия» [13, с. 146].

Смысл развития капиталистической системы в сельском хозяйстве состоит в объективной тенденции к укрупнению частных владений, что ведет к росту продуктивности использования факторов произ-

водства. Аграрный капитализм ведет к интенсивной имущественной дифференциации по доходам и имуществу, которые концентрируются в крупных хозяйствах, имеющих мощные стимулы к использованию новой техники и агрикультуры. Применение сельскими предпринимателями больших масс капитала, земли и наемного труда ведет к росту эффективности и повышает товарность производства. Это дает значительный эффект масштаба по сравнению с мелкими и средними хозяевами на селе.

Помимо тяжелого бремени, которое несли русские крестьяне по воле дворянского государства, многие из этих неразрешимых проблем обуславливались специфическим менталитетом крестьянства, который заключался в традиционно некоммерческом отношении к земле, что вело к воспроизводству застойного экстенсивного типа земледелия, тормозившего эффективный ответ на вызов индустриализации. Самообеспечивающее мелкое и среднее крестьянское хозяйство из последних сил державшееся за землю, было тормозом развития капиталистических отношений на селе. Крестьянин с его общинным мировоззрением подозрительно относился к частной собственности, которая воспринималась им, как и большей частью российского общества, как нечто, имеющее происхождение от лукавого. Традиционно на бытовом уровне частная собственность в России считалась символом нечестности и мошенничества. Внеэкономическое происхождение частной собственности крупных помещиков, ее концентрация в руках знатных и богатых дворян, приближенных к императорской власти, объективно сформировала очень тесную связь между частной собственностью и структурами властной иерархии империи. Именно в этом состоял секрет могущества и богатства, который был открыт в России лишь для немногих избранных. Поэтому представление русских людей об олигархической частной собственности дворян на землю было не таким уж ошибочным. Скорее наоборот, оно было на удивление верно. Эти объективные обстоятельства сформировали у русского человека жесткую установку на то, что «частная собственность воспринималась как корыстная льгота для немногих, а не как коренное право человека, и которая, более того, приобреталась за счет миллионов бесправных людей. ... Широко было распространено мнение, что она противостоит и свободе, и социальной справедливости» [10, с. 257 – 258]. Поэтому крестьяне были радикалами, близко стоявшими к идеям марксизма, коммунизма и социализма. Крестьянский погром помещиков, кулаков и капиталистов в 1917 – 1920 годах мировоззренчески был подготовлен многими веками российской истории.

Наличие избыточного аграрного населения было источником резервной армии труда для растущей индустрии России. Вместе с тем при нерешенности крестьянских проблем «лишние» люди деревни составляли взрывоопасный материал для русской социальной антикапиталистической революции, направленной на реализацию вековых устремлений крестьян к «черному переделу». Однако реализация большевиками по тактическим соображениям народническо-эсеровской программы «справедливого» дележа земли по едокам в 1917 – 1920 годах не разрешила никаких проблем крестьянства. Более того, после революции размер земельных участков на крестьянскую душу стал еще меньше, а производительность использования факторов производства стала еще ниже. Страна после «справедливого черного передела» превратилась в мелкокрестьянское общество, что стало главным «достижением» и социально значимым результатом октябрьской революции. Это ясно осознавал И.В. Сталин, когда в 1927 году он логично обосновал объективную необходимость политики ускоренной и сплошной коллективизации сельского хозяйства. В октябре 1917 года крестьяне под руководством большевиков разгромили крупное помещичье и кулацкое хозяйство, дававшее подавляющую часть товарного хлеба на рынок. Помещики потеряли всю свою землю. В период антикапиталистической крестьянской революции из 80 млн. га земли «у кулаков было отнято и передано беднякам и середнякам 50 млн. га. Это существенно подорвало кулачество, его численность сократилась втрое» [14, с. 129].

«До войны, – констатировал И.В. Сталин, – мы имели 15 – 16 млн. индивидуальных крестьянских хозяйств, а теперь мы имеем 24 – 25 млн. крестьянских хозяйств, – уже одно это говорит о том, что основной базой нашего сельского хозяйства является теперь мелкое крестьянское хозяйство, дающее минимум товарного хлеба» [15, с. 84]. Сталин справедливо задается вопросом: «В самом деле, разве это не факт, что мы уже достигли довоенных норм посевных площадей? Да, факт. Разве это не факт, что валовая продукция хлеба уже в прошлом году (1926 г. – В. У.) равнялась довоенной норме производства, т.е. доходила до 5 млрд. пудов хлеба? Да, факт. Чем объяснить в таком случае, что, несмотря на эти обстоятельства, мы производим товарного хлеба вдвое меньше, а вывозим за границу в двадцать меньше, чем в довоенное время?» [15, с. 83 – 84]. Товарность единоличного крестьянского хозяйства в СССР составляла 12 %, а товарность дореволюционного зернового производства России – 26 % [15, с. 622]. Эти объективные результаты Октября были достигнуты благодаря реализации вековой мечты о «черном» переделе, за что упорно и настойчиво боролись крестьяне, совершенно искренне идя по пути реализации бессмысленных и ложных идей.

Социально-экономические, правовые и политические условия функционирования крестьянских хозяйств экстенсивного типа. Система ограничений на преобразование крестьянской экономики в интенсивный тип хозяйствования. Крестьянское мирское (коллективное) землепользование помещичьей земли представляло собой, во-первых, надельную землю с дворов, имевшую относительно персонифицированный характер землепользования, во-вторых, общую систему крестьянского землепользования сервитутными землями, которые принадлежали помещикам, однако использовались крестьянами бесплатно для своих хозяйственных целей. Надельная земля крестьян подвергалась периодическим переделам общинным миром. Общий выгон давался тягловым крестьянам при наличии у них наде-

лов земли в пользовании. Сервитутные права крестьян на бесплатное пользование помещичьими землями были неотъемлемым элементом крестьянского хозяйствования.

Крепостное хозяйство базировалось на отношениях принудительной зависимости крестьян от помещиков и частной собственности дворян на личность крестьян и землю. Однако принудительный характер зависимости являлся только одним из элементов системы экстенсивного типа хозяйствования на земле. Низкий технический уровень развития средств производства и агрикультуры, система трехпольного земледелия, чересполосица и бесплатные сервитуты в совокупности представляли собой адекватные элементы крепостного хозяйства, системно дополнявшие друг друга.

Право на личную свободу крестьян от помещиков являлась только начальным условием осуществления рыночной реформы. Изменение одного из элементов крепостной системы требовало радикальной перестройки других элементов сложившейся системы земельной собственности. Все элементы системы были тесно взаимосвязаны друг с другом устойчивыми связями, дополняя друг друга. По этой причине они как система взаимно адекватных элементов нуждались в радикальной трансформации в целях формирования более эффективной земледельческой системы. Крестьянская реформа 1861 года предполагала объективную трансформацию традиционно сложившихся структурных связей в поземельных отношениях. На начальном этапе крестьянской реформы происходило естественное снижение эффективности функционирования старой системы. Однако для успешной трансформации системы земельной собственности в долгосрочном периоде времени необходимо было радикально изменить все элементы и структурные взаимосвязи реформируемого крепостничества. Главной долгосрочной целью крестьянской реформы была трансформация коллективного землепользования крестьян в рамках крестьянского мира (крестьянское общество), ликвидация системы сервитутов и формирование частной собственности крестьян на землю с приобретением крестьянами общегражданских прав. Самым сложным пунктом реформы стала ликвидация деперсонализованного «обычного права», которое регулировало отношения внутри крестьянского мира, и создание нового класса крестьян-граждан в рамках формируемой системы общегражданского права, что объективно отвечало сущности частной собственности на землю.

Трехпольная система земледелия имела своим объективным следствием чересполосицу, которая технологически снижала эффективность использования факторов производства. Трехпольная система земледелия и адекватная ей система бесплатных сервитутов создавали эффект системного адекватного порождения данными структурами друг друга, что сдерживало эффективное развитие сельского хозяйства. При повсеместном распространении трехпольной системы земледелия переход к более эффективной системе хозяйствования (*многопольной системе с плодосменным севооборотом и травосеянием*) был затруднен. При этих условиях у крестьян одной и той же деревни должна была быть только трехпольная система земледелия. Если кто-то из крестьян желал перейти к более совершенной *четырёхпольной или многопольной системе земледелия с травосеянием*, то введение этой системы оказывалось невозможным, так как посеvy этого крестьянина начали бы стравливать скотом из-за того, что паровое поле при трехпольной системе было до середины лета пастбищем для скота. В таких условиях трехпольный севооборот объективно предполагал экстенсивный тип ведения хозяйства с низкой урожайностью, товарностью и доходностью.

Переход к многопольной системе земледелия с травосеянием требовал, во-первых, персонификации отношений земельной собственности через разверстание земель по частным усадьбам и, во-вторых, ликвидации земель коллективного пользования через их раздел между частными собственниками. Оба условия требовали двух последовательных этапов реформирования. На первом этапе надо было трансформировать частную собственность помещиков в неотчуждаемую мирскую (коллективную) собственность крестьян, а на втором – превратить мирскую (коллективную) собственность в частную крестьянскую собственность. Оба процесса накладывались друг на друга, особенно если учесть тот малый отрезок времени, который отпустила история для реформирования экономики Российской империи. Отсюда проистекали все неразрешаемые проблемы для государства и общества. Институциональная динамика и преемственность двух этапов экономических реформ была спрессована во времени, а эффективное их проведение оказывалось под большим вопросом. Просвещенные представители власти пришли к твердому пониманию необходимости перехода ко второму этапу крестьянской реформы очень поздно, а именно в начале XX века, когда революционные настроения масс начали перерастать в революцию. В 1902 году П.А. Столыпин говорил: «Подъем культуры и земледелия зависит от уничтожения сервитутов и разверстания чересполосных земель, без чего никакое серьезное улучшение сельского хозяйства, вообще произойти не может» [16, с. 679]. Представители Минского товарищества сельского хозяйства 1902 года считали необходимым: «Урегулирование прав владения и наследства в крестьянской среде введением определенности и ясности в основных правах крестьянской собственности» [16, с. 691].

Главную роль в процессе радикальной трансформации отношений земельной собственности и системы земледелия должно было сыграть государство. В Пруссии государство успешно справилось с этим сложным вызовом эпохи. Оценивая результаты реформ прусского правительства, Г.Ф. Кнапп писал: «Вместе с регулированием правительство предприняло отмену общинного землепользования и раздел общинных угодий между помещиками и крестьянами, равно как и между самими крестьянами. Таким образом, правительством произведена была полная реорганизация крестьянского хозяйства» [17, с. 175].

Крестьянская реформа в России была с большим трудом начата Александром II с возмездного отчуждения государством частной собственности помещиков на землю с передачей ее в мирскую (коллективную) собственность крестьян при сохранении деперсонализации земельных отношений и сервитутов. До тех пор пока формирующаяся коллективная собственность крестьянского мира не была оплачена общинами через выкупные платежи, земля фактически оставалась государственной собственностью и арендовалась крестьянским миром, т.е. фактически она находилась, условно говоря, на ответственном хранении общин. С точки зрения находилась ли земля в подворном или общинном пользовании крестьян не имело большого значения, так как ее коллективный характер все равно не позволял превращать невыкупленную чужую землю в частную собственность крестьян, отчуждая ее через рыночный оборот. Дворянство и особенно двор боялись изменения соотношения сил в социально-экономической структуре общества. По этой причине земельная реформа П.А. Столыпина не могла быть проведена в полной мере и не дала значимых результатов, а сам он после поражения революции 1905 – 1907 годов быстро впал в немилость и оказался не нужен императору и двору, которые быстро забыли все его заслуги перед империей.

Не удалось реализовать свои планы крестьянской реформы и С.Ю. Витте, из-за сильного сопротивления консервативных противников давно перезревших экономических преобразований в деревне.

Второй этап трансформации коллективной собственности крестьян в их частную собственность, начатый П.А. Столыпиным, был прерван мировой войной. Перед государством стояли глобальные системные задачи просвещения крестьян, трансформации «обычного» права крестьянского мира в гражданское право, превращения бывших крепостных в граждан, ставших частными земельными собственниками. Освобожденное от обязательной службы государству с 1785 года дворянство превращалось в потребительский слой общества, утрачивая те выдающиеся качества, которые ранее конституировали его как ведущий. Просвещенные реформаторы видели утрату дворянством тех многих благородных качеств, которые ранее делали из дворян праведников, жертвенно преданных престолу и Отечеству. Слабость правящего дворянского сословия проявило себя в полной мере в период трех русских революций (1905 – 1907 гг., февраль 1917 г., октябрь 1917 г.), а также во время гражданской войны 1918 – 1922 годов.

Социальная цель земельной реформы для государства заключалась в создании верноподданной опоры трона – класса крестьян-частных земельных собственников. В сложных социально-экономических и политических условиях государство стояло перед необходимостью радикального изменения окостеневшей социально-экономической и правовой среды путем активного и невероятно быстрого создания класса крестьян-собственников, который должен был стать социальной опорой монархии. Крестьяне-собственники должны были укрепить государство, так как дворянство вырождалось, бесславно сходя со сцены российской истории. Внезапно монархия оказалась в вакууме. Дворянство ослабело, утратив качества сословия, бывшего оплотом трона, а жизненные интересы крестьянства императорская власть не могла достойно представить и удовлетворить. Путь развития православной России оказался на зыбкой почве.

«До конца XVII века все социальные группы русского общества жили в едином правовом пространстве. Но начиная с XVIII века, по мере развития нового законодательства, город и деревня в правовом отношении стали расходиться и постепенно возник так называемый *юридический плюрализм*: в пределах единого государства стали одновременно действовать две системы права – обычное и официальное, каждое из которых представляло собой достаточно своеобразный комплекс норм и институтов. Своей критической отметки различие между ними достигло к концу XIX века. Осознав в начале XX века опасность крестьянской правовой обособленности, правительству решило ее ликвидировать и восстановить единое правовое пространство. Но времени оказалось слишком мало, и императорский режим рухнул, в том числе и потому, что ему не удалось включить крестьян в общий правопорядок государства. Требование помещичьей земли, недостаток патриотизма, слабое осознание общенациональных интересов и многое другое – все это было порождено в немалой степени правовой обособленностью крестьянства. Так, уже в революцию 1905 – 1907 годов частично сбылось предсказание С.Ю. Витте, высказанное им в 1903 году: «Россия составляет в одном отношении исключение из всех стран мира – народ систематически воспитывался в отсутствие понятия собственности и законности. <...> Для меня представляет огромный вопросительный знак: что может представлять собой империя со 100-миллионным крестьянским населением, в среде которого не воспитано ни понятие о праве земельной собственности, ни понятие о твердости права вообще? Какие исторические события явятся результатом этого? Затрудняюсь сейчас сказать, но чувю, что последствия будут очень серьезные». 1917 год и следовавшие за ним события подтвердили пророчество Витте» [18, с. 98]. Бесценный ресурс монархически настроенного крестьянства правящее дворянское сословие империи и сам последний самодержец Всероссийский бездарно растратили в процессе непоследовательных преобразований социально-экономической системы России, так и не создав условий для реализации справедливых интересов крестьянства.

Измена русской буржуазии и дворянства последнему русскому императору Николаю II в результате заговора генералов и депутатов Государственной Думы в феврале 1917 года воплотила в жизнь вековой антимонархический и антиклерикальный идеал, вынашиваемый 100 лет назад декабристами. Революция Февраля 1917 года закономерно родила революцию Октября 1917 года, что привело к отказу России от союзнических обязательств и позорному выходу из Великой войны, принесшей народу огромные жертвы.

Спустив под откос монархию, буржуазно-помещичья элита России выпустила из рук власть, запустив скачкообразный и неуправляемый процесс хаотической системной деструкции российского общества. В этот судьбоносный момент истории решать перезревшие проблемы общества и крестьянской экономики на разумных началах было, естественно, невозможно. Цену этого зигзага истории очень точно определил У. Черчилль, сказав: «Но никто не смог ответить на те несколько простых вопросов, от которых зависели жизнь и слава России. На пороге победы она рухнула на землю, заживо пожираемая червями» [19, с. 260].

ЛИТЕРАТУРА

1. Витте, С.Ю. Воспоминания: в 3-х т. / С.Ю. Витте; комментарии составили В.И. Бovyкин и К.Н. Тарновский. – М.: Соцэклит, 1960. – Т. 2: (1894 – октябрь 1905). Царствование Николая II. – 640 с.
2. Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). – СПб.: Лики России, 1999. – 360 с.
3. Хромов, П.А. Экономическая история СССР: учеб. пособие / П.А. Хромов. – М.: Высш. шк., 1982. – 240 с.
4. Боровой, С.Я. Кредит и банки (середина XVII в. – 1861 г.) / С.Я. Боровой. – М.: Госфиниздат, 1958. – 288 с.
5. Гиндин, И.Ф. Русские коммерческие банки / И.Ф. Гиндин. – М.: Госфиниздат, 1948. – 453 с.
6. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М.: Независимая газета, 1993. – 424 с.
7. Гиндин, И.Ф. Госбанк и экономическая политика царского правительства / И.Ф. Гиндин. – М.: Госфиниздат, 1960. – 416 с.
8. Чернов, В.М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного собрания. 1905 – 1920 / В.М. Чернов; пер. с англ. Е.А. Каца. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 430 с.
9. Хобсбаум, Э. Век революции. Европа 1789 – 1848 / Э. Хобсбаум // Соч.: в 3-х т. Т. 1; пер. с англ. Л.Д. Якуниной; науч. ред. и предисл. А.А. Егорова. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1999. – 480 с.
10. Пайпс, Р. Собственность и свобода / Р. Пайпс. – М.: МШПИ, 2000. – 416 с.
11. Гиндин, И.Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX – начало XX в.) / И.Ф. Гиндин // Избранное. Очерки истории и типологии русских банков. – М.: Наука, 1997. – 624 с.
12. Экономическая история СССР. – 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. проф. И.С. Голубничего, А.П. Погребинского, И.Н. Шемякина. – М.: Мысль, 1967. – 500 с.
13. Пайпс, Р. Русская революция: в 3 кн. / Р. Пайпс. – М.: Захаров, 2005. – Кн. 1: Агония старого режима. 1905 – 1917. – 480 с.
14. Шмелев, Г.И. Коллективизация: на крутом переломе истории / Г.И. Шмелев // Истоки. Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1; редкол.: В.А. Жамин (глав. ред.), А.А. Баранов [и др.]. – М.: Экономика, 1989. – С. 109 – 158.
15. Сталин, И.В. Вопросы ленинизма / И.В. Сталин. – 11-е изд. – М.: Гос. изд-во «Полит. лит.», 1952. – 652 с.
16. Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі. Т. II (1772 – 1903 гг.) / пад рэд. Нікольскага і Д.А. Дудкова, І.Ф. Лочмеля. – Мінск: Выд-ва Акад. Навук БССР, 1940. – 940 с.
17. Кнапп, Г.Ф. Освобождение крестьян и происхождение сельскохозяйственных рабочих в старых провинциях Прусской монархии / Г.Ф. Кнапп; пер. с нем. Л.И. Зака. – СПб.: Книгоиздательство и Книжный магазин О.Н. Поповой, 1900. – 273 с.
18. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2-х т. / Б.Н. Миронов. – 3-е изд., испр., доп. – СПб.: «Дмитрий Буланин». – Т. 2. – XL, 548 + 583 с.
19. Яковлев, Н.Н. 1 августа 1914 г. / Н.Н. Яковлев. – 3-е изд., доп. – М.: Москвитянин, 1993. – 316 с.

Поступила 09.12.2012

WITTE AND STOLYPIN'S VIEWS ON THE PEASANT QUESTION'S ROLE IN THE RUSSIAN EMPIRE ECONOMY DURING THE ECONOMIC REFORM IMPLEMENTATION

V. USOSKY

The role of the peasant question in the Russian empire economy during the economic reforms in the 60–80th of the XIX century is investigated. The article reveals a core of the economic reform program – industrialization as a basis for maintaining political and military power of the country. The problems of agricultural development in Russia and the 1861 reform results are discussed. The contradictions were noted, in particular, the antagonistic contradictions between nobles and peasants in the land property area, contradictions in the financial and budget system of Russian economy which was transforming towards the market standards. The views of Russian political leaders (Witte and Stolypin) on the investigated matter were analyzed.